

Василий Брусянин

Убитая чайка

Дом на костях

Василий Брусянин

Убитая чайка

«Public Domain»

1916

Брусянин В. В.

Убитая чайка / В. В. Брусянин — «Public Domain», 1916 — (Дом на костях)

«Минувшим летом мы жили на берегу южного моря небольшой, дружной компанией. Самым интересным членом нашей колонии, по моему мнению, была шестнадцатилетняя Наденька, девушка, только что окончившая гимназию. Она переживала счастливейший период юности – начало тайных нежных грёз, зарю веры в человечество, в науку и искусство; она вынашивала в себе зародыш любви к ближнему, она стремилась к чему-то, что называла „хорошим и светлым“, она прислушивалась к голосам жизни, и тайна жизни останавливала её внимание...»

Василий Брусянин

Убитая чайка

(Очерк)

Минувшим летом мы жили на берегу южного моря небольшой, дружной компанией.

Самым интересным членом нашей колонии, по моему мнению, была шестнадцатилетняя Наденька, девушка, только что окончившая гимназию. Она переживала счастливейший период юности – начало тайных нежных грёз, зарю веры в человечество, в науку и искусство; она вынашивала в себе зародыш любви к ближнему, она стремилась к чему-то, что называла «хорошим и светлым», она прислушивалась к голосам жизни, и тайна жизни останавливала её внимание.

Её сестра, Анна Николаевна, девушка 23 лет, окончившая Бестужевские курсы, только с лица была похожа на Наденьку... Была, впрочем, она такая же добрая и хорошая как Наденька, а в остальном сходства между ними не наблюдалось. Анна Николаевна уже не верила в отвлечённое человечество, о котором Наденька говорила, захлёбываясь от волнения, а искусство ускользнуло от её понимания. Любовь к ближнему внушалась ей как и нам всем с детства, и эта любовь согревала её душу, хотя она уже не верила, что этой любовью можно жить всецело. Стремление к лучшему и светлому ещё продолжало скрашивать её жизнь, хотя она не раз жаловалась мне на скуку и неопределённость жизни.

Студент Аркадий Иваныч Гуцин во многом был схож с Анной Николаевной, словно они были брат и сестра по духу, чему и нельзя было удивляться: одни и те же условия русской жизни и школы воспитали их обоих, олицетворив в них символ нашего времени. Гуцин был образованнее всех нас, что мы признавали в один голос, и даже Наденька, переживавшая период отрицания авторитетов, внимательно слушала длинные и умные речи Гуцина и никогда не противоречила ему. Гуцин был страшно влюблён в Анну Николаевну, почему иногда казался необыкновенно скучным.

О себе я ничего не буду говорить – неинтересно.

Жили мы в небольшом домике с мезонином, который соединялся с комнатами нижнего этажа внутренней винтовой лестницей. В мезонине жили обе сестры, а мы с Гуциным, в роли телохранителей, занимали угловую комнату, с окнами, обращёнными в горы. Вторая обширная комната в три окна на восток примыкала к открытой веранде, с которой открывался вид на чудное южное море. От террасы тянулась к морю неширокая аллея молодых пирамидальных тополей, и там, где их зелёные стены кончались, хмуро над морской отмелью висели каменные утёсы, со змеевидными тропинками, по которым легко было сбегать на отмель.

Общая обширная комната служила нам столовой, концертным залом, когда Наденька садилась за рояль, и ареной словесного поединка, когда вспыхивал жаркий спор между членами колонии. Здесь же помещалась наша общая библиотека, стоял письменный стол, заваленный газетными вырезками, книжками журналов и разными брошюрами.

Серьёзно мы ничем не были заняты, читали вслух модную беллетристику, лениво просматривали статьи об идеализме, совершенно серьёзно говоря друг другу, что по возвращении в Петербург непременно проштудируем литературные новости. Целые дни мы проводили на берегу моря, если позволяла погода; в дождливые же дни размещались в удобной мебели на веранде и слушали, как в крышу колотятся дождевые капли. Гуляли мы большей частью все вместе, иногда распределялись на две равные группы, при чём в этих случаях спутницей моей всегда была Наденька. Иногда мы расходились и по одиночке, и при этом каждый из нас старался взять такой курс, чтобы ни с кем из нашей колонии не встретиться. В таких редких случаях Наденька оставалась дома с книжкой и просиживала у окна мезонина целыми часами.

В общем все мы чуждались постороннего общества: знакомых среди соседей у нас не было, на новые знакомства никто из нас желаний не выражал, хотя мы знали, что среди «отдыхавшей» публики были и интересные петербуржцы. Из среды ближайших соседей только один старик обращал на себя наше внимание. Жил он в полуверсте от нас, на самом берегу моря. Трёхоконный дом с балконом на кровле и с высоким кипарисом у террасы мы прозвали библейским шатром, а обитателя его, седого старика, ходившего во всём белом, мы назвали «Приморским патриархом».

Хотя мы и называли его «патриархом», но он не отличался спокойствием и миролюбием библейских старцев, и только его наружность служила основанием к такому сравнению.

Высокий, широкоплечий и статный, он твёрдо держался на ногах, выпячивая вперёд широкую грудь и немного запрокидывая назад лысую голову с каймой седых волос на затылке; его широкая и длинная седая борода начиналась от самых ушей и густыми прядями прикрывала грудь; большие голубые глаза светились умом и энергией, по губам изредка бродила улыбка, а когда он молчал – они были плотно сомкнуты.

Я познакомился с ним случайно на берегу моря, случайно познакомились с «патриархом» и мои друзья.

Это было в полдень. Я одиноко бродил прибрежными тропинками, обходя утёсы и скалы и любуясь спокойной гладью моря, по которой яркое солнце рассыпало полосы переливающегося золота.

Обходя одну из скал, увенчанную диким виноградником, я услышал знакомые голоса и остановился. Меня окликнули ещё раз, и я поднял глаза.

Выше меня на уступе, в тени кипариса, сидели Наденька, Анна Николаевна и Гушин, и я с изумлением увидел среди них «патриарха». Он что-то говорил, и все внимательно его слушали.

Заметив меня, он смолк и, пока я поднимался по узкой тропинке, всё время в упор смотрел мне в лицо. Поздоровавшись с друзьями, я раскланялся и с «патриархом».

Старик небрежно кивнул мне головою под широкой войлочной шляпой и протянул руку. Он крепко сжал мои пальцы и тихо проговорил:

– Я очень рад, что число моих слушателей увеличивается...

Он повернул ко мне лицо и, пристально посмотрев мне в глаза, добавил:

– Я говорю о несовершенстве человеческого общества... Может быть, вы уже слышали об этом многое, может быть, вы и сами говорили на эту тему не раз... Пусть так! Тем лучше, что это ни для кого не ново!..

Он на секунду смолк, повёл широкой ладонью в сторону присутствующих и, немного изменив позу, добавил:

– Вот все эти господа сначала смотрели на меня как на сумасшедшего, потому что, видите ли, я заговорил с ними, не будучи представленным... Но ведь она сама... вот сия барышня, – он указал на Анну Николаевну, – поступила несправедливо, и я обличил её...

– Что вы сделали, Анна Николаевна? – смеясь, спросил я девушку.

– Я подстрелила чайку и вот заслужила осуждение...

– Да-с, осуждение!.. Потому что у вас не было и не могло быть нужды убивать её... Кушать вы её не будете, что же вас ещё может оправдать?.. Вы выстрелили, забавляясь, а ведь это страшно дурная забава – убивать живое существо!.. Впрочем, я уже говорил на эту тему, и со мною не все согласились...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.